

5 июля 1981

Анатолий Тарасов Повесть
ВСЕГО ОДНО ЛЕТО

УТРОМ ПРОСНУЛСЯ свежим и бодрим. Накинул халат и по обыкновению направился на балкон. В гостиной, возле балконной двери, отливали свежим лаком конторка, привезенная Федором со станции пока они путешествовали. Он подошел к ней, провел ладонью по блестящей поверхности крышки, поднял ее и заглянул в пустой ящик, примерил, по росту ли высота... — и по телу прошла приятная истома человека, стосковавшегося по любимому делу.

Зашел в кабинет, взял пачку чистой бумаги, карандаш и вернулся в гостиную. Прошелся по залу взад и вперед... и в памяти заиграло под колеблющимся светом костра добродушно-хитроватое лицо Мазая, рассказывавшего Зине свою «историю».

Стихи полились сразу, без задержки — ожили зайчишки, лопочущие между собой о старом дурне, прогнанном старухой, зазвучала интонация Мазая.

Он ходил по залу, чуть покачивая рукой в такт шагам, временами подходил к конторке — писал, правил, снова ходил, писал и переделывал...

Зина открыла глаза от дневного света, полонившего всю комнату, и снова закрыла их, вспоминая, как приятный сон, вчерашний день у Гаврилы. Вспомнила веселую, чуть озорную Марьяну, полюбившую ее, как дочь, напомнившую чем-то родную мать, рано умершую. Вспомнила прощанье Марьяны и Гаврилы с Некрасовым — степенное, с проглядывавшей за этой степенностью сердечностью и теплотой. Посмотрела на кровать Некрасова... пустую, и села. «Опять проспала...» — подумала она.

Быстро одевшись, она на цыпочках направилась к балкону, надеясь там внезапно настичь его, но за закрытой дверью гостиной услышала мерные шаги... и остановилась: «Работаёт!» Сразу по-серьезнее, она пошла к повелю — узнать, готов ли завтрак.

Его подогревали несколько раз. Приближалось время обеда. Зина сидела в столовой и ждала, когда голодный Некрасов выйдет и запросит еду. Но дверь не открывалась, а она сама не смела зайти к нему...

Дверь открылась к вечеру. Вышел Некрасов в распахнутом халате, домашних тапочках, погруженный в себя, и, не замечая, что день клонится к концу:

— Может, позавтракаем? Зина побежала вниз. После завтрака и обеда вместе он снова ушел в гостиную. А Зина сидела в столовой и опять ждала его выхода...

Незаметно во флигель заволали сумерки, стало плохо видно написанное. Некрасов

пошел сказать прислуге, чтобы принесла свечи. Открыл дверь в столовую и увидел Зину, свернувшуюся калачиком на диване перед столом... И ему стало жалко ее. Он подошел, чтобы перенести ее в спальню, но она мигом проснулась, виновато посмотрела на него:

— Ужинать будем?
— Будем! — неожиданно для себя ответил он. И Зина снова поспешила на кухню...

другой берег... Посидели на траве, наблюдая, как переливается на солнце вода, падающая через плотину. И в этой игре солнца с водой Некрасову снова почудилось что-то веселое, напомнившее мельничный мотив.

Побродив еще, к вечеру вернулись домой. Некрасов взял с конторки листы и вместе с Зиной вышел на балкон, опустился в плетеное кресло:

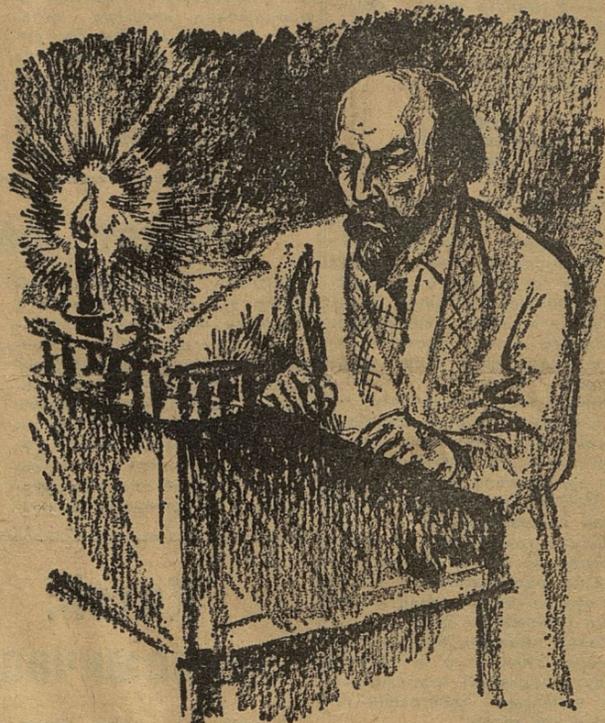

Рис. А. Лебедева.

После ужина пошли спать, а рано утром он опять закрылся в гостиную, снова мери из угла в угол ее паркет, подходил к конторке и писал. А Зина опять сидела в столовой и ждала...

В середине дня дверь гостиной распахнулась и на пороге выросла фигура улыбающегося Некрасова:

— Кончил! Хочу есть!... После обеда пошли купаться. Рыбачков на реке не было.

— Что-то не видать твоей команды, знать, прозевали возвращение, — пошутил Некрасов. Зина взяла его под руку и повела к купальне.

После купания гуляли по берегу Которосли. Незаметно дошли до мельницы и заглянули в нее. Увидев их, вышел и поздоровался мельник — с белыми мучными мазками на носу и рубашке, напомнивший Некрасову маляра. А вращающееся мельничное колесо дерекликалось с жерновами простой, веселенькой песенкой: та-ра-та, та-ра-та, та-ра-та, та-ра-та... И было неясно, кто поет, — то ли само колесо, то ли жернова, то ли какая передача, то ли все вместе — хором...

Перешли по плотине на

ми и заработком, радующихся предстоящей встрече...

Он уже не мог больше ждать и твердо решил идти писать, как проснулась Зина, подняла голову, посмотрела на его кровать — и обрадовалась, что на этот раз не проспала...

ЛЕГКО начата после поездки в Грешнево и костромские места деревенская жизнь Некрасова быстро установилась, вошла в свою колею. Утолив первый творческий голод, он успокоился. Чтобы поэтический огонек не затухал совсем, писал по два-три часа в день «притчу» в стихах — скорее, для разминки перед большой работой, нежели с серьезной задачей.

Ежедневные купания в Которосли действовали благотворно, нравились все больше, и он все чаще приходил к мысли отказаться от поездки на воды, за границу, куда собирался вместе с Краевским.

Естественно и просто вошла в его карабахскую жизнь Зина. Он познакомился с ней зимой в Петербурге. Ему нравилось любоваться на нее — молодую, стройную, еще не испорченную городом с его практицизмом; нравились ее непосредственность и простота. В ее поведении и поступках порой проскальзывало что-то детское, и это трогало его, вызвало желание побаловать ее, как большого ребенка. Каких-то далеких планов на будущее у него тогда не было. Ему она нравилась, он видел, что и ей с ним хорошо, — и этого было достаточно. Однако могила матери, Кострома и ночной костер на берегу внесли в их отношения новое, сделали ее необходимым для него человеком. Без нее было бы пусто. Из «зимнего друга», как однажды назвал ее Ераков, она постепенно стала другой на всю жизнь. И он убеждался в этом все больше.

Заметное место в его здешней жизни занимал Петербург: одно за другим прибывали письма от друзей и сотрудников журнала, поступали из редакции рукописи, судьбу которых нужно было решать, следовало запросы по срочным делам... И отмахнуться от них он не мог, ибо, только занимаясь всем этим, он чувствовал себя спокойным за журнал и свое будущее, мог отдыхать и писать сам.

Мысль о поэме не покидала его, он возвращался к ней почти каждый день — и порой в самые неожиданные минуты — за обеденным столом, во время купания, при чтении чужих рукописей... Он останавливался, откладывал вилку или рукопись в сторону, пробовал мысленно начать поэму так или иначе — и недовольный отмахивался... Чего-то ему не хватало... Такое бывало и раньше, и он не торопил себя: все созреет само собой. Нужен только толчок...

Отправил Салтыкову рукопись его «Истории одного города», присланную для журнала, вместе с похвалой и советами он приложил к ней только что законченные стихи для детей, предупредил Краевского, что за границу не поедет, и снова вернулся к чисто карабахским делам. Прошел уже месяц, как он здесь. Приближается время охоты...

Смотрите — красильщик! Узнаешь сейчас: Нос выпачкан охрой И суриком глаз...

Начал вспоминать приметы других мастеровых — кузнеца, портного, пильщиков... Незаметно сложилась целая галерея рабочих людей, возвращающихся из города домой на праздник, к себе в деревню, с немудрящими подарка-

ми и заработком, радующихся предстоящей встрече...

Он уже не мог больше ждать и твердо решил идти писать, как проснулась Зина, подняла голову, посмотрела на его кровать — и обрадовалась, что на этот раз не проспала...

ЛЕГКО начата после поездки в Грешнево и костромские места деревенская жизнь Некрасова быстро установилась, вошла в свою колею. Утолив первый творческий голод, он успокоился. Чтобы поэтический огонек не затухал совсем, писал по два-три часа в день «притчу» в стихах — скорее, для разминки перед большой работой, нежели с серьезной задачей.

Ежедневные купания в Которосли действовали благотворно, нравились все больше, и он все чаще приходил к мысли отказаться от поездки на воды, за границу, куда собирался вместе с Краевским.

Естественно и просто вошла в его карабахскую жизнь Зина. Он познакомился с ней зимой в Петербурге. Ему нравилось любоваться на нее — молодую, стройную, еще не испорченную городом с его практицизмом; нравились ее непосредственность и простота. В ее поведении и поступках порой проскальзывало что-то детское, и это трогало его, вызвало желание побаловать ее, как большого ребенка. Каких-то далеких планов на будущее у него тогда не было. Ему она нравилась, он видел, что и ей с ним хорошо, — и этого было достаточно. Однако могила матери, Кострома и ночной костер на берегу внесли в их отношения новое, сделали ее необходимым для него человеком. Без нее было бы пусто. Из «зимнего друга», как однажды назвал ее Ераков, она постепенно стала другой на всю жизнь. И он убеждался в этом все больше.

Заметное место в его здешней жизни занимал Петербург: одно за другим прибывали письма от друзей и сотрудников журнала, поступали из редакции рукописи, судьбу которых нужно было решать, следовало запросы по срочным делам... И отмахнуться от них он не мог, ибо, только занимаясь всем этим, он чувствовал себя спокойным за журнал и свое будущее, мог отдыхать и писать сам.

Мысль о поэме не покидала его, он возвращался к ней почти каждый день — и порой в самые неожиданные минуты — за обеденным столом, во время купания, при чтении чужих рукописей... Он останавливался, откладывал вилку или рукопись в сторону, пробовал мысленно начать поэму так или иначе — и недовольный отмахивался... Чего-то ему не хватало... Такое бывало и раньше, и он не торопил себя: все созреет само собой. Нужен только толчок...

Отправил Салтыкову рукопись его «Истории одного города», присланную для журнала, вместе с похвалой и советами он приложил к ней только что законченные стихи для детей, предупредил Краевского, что за границу не поедет, и снова вернулся к чисто карабахским делам. Прошел уже месяц, как он здесь. Приближается время охоты...

Починки

Помнишь, Починки село...

Н. А. Некрасов.
«Деревенские новости».

Ответит навряд
И старшой старожил,
Кто первый бревенчатый
Сруб заложил,

Согбенная бабка
Не скажет тебе,
Кто первый в курной
Народился избе.

Но каждому встречному
Ясно, как день:
Починки —
Исконная мать деревень.

Отсель расселял
По округе топор
Кладово, Залесье
Кобылино, Бор.

Оратай и плотник
Когда опочил?
Вот весть...
Но его подхватили почин

Потомки, чья сметка
Острей топора.
Росли, как грибы,
На земле хутора.

Деревни и села,
Как в сказке, росли
И острою стала
Нехватка земли.

И это в России,
Где, что ни уезду,
Почти государство
Из западных мест,

Где солнышко за день
Покуда плывет
И греть устает,
И светить устает.

Ты долго была
Деревенскою, Русь,
Как в город пришла,
Объяснять не берусь

Скажу лишь, увидев
Родные места:
Деревня глубинная
Стала не та...

Починки...
В одном сельсовете
Их шесть:
Есть Старый и Новый
Рябиновый есть,

Горельный, Болотный,
Починок — Сова.
Ну, что за деревни,
Где дом или два?

Настойчиво свежее
Веют ветра:
К центральной усадьбе
Лепится пора!

Лепится пора! —
От прогорклой тоски.
Пора! —
Но сомнений полны старики.

Злосчастьем, нелепицей
Мнится отъезд:

Деревенские новости

Иван Смирнов

Главы из поэмы

Отторгнешь ли душу
От геговых мест?

Придирки посыплются
Всеу потом:
А что там, в усадьбе?
Директорский дом? —

Но ловко ль в соседях
К начальнику лезть?
Еще — что?
Старинное кладбище есть —

И вовсе спешить
На погост ни к чему,
Уж лучше преставиться
В ветхом дому.

В усадьбу переться —
Одно мотовство,
Ни реки, ни леса —
Заради чего?

Не гонят, всамделе
Со зрешней земли!
Но дети выросли,
И внуки росли.

Росли — погратали
Могали на ус,
В открытые галей
Входили во вкус.

Явили зачина,
И — пошли на грова
Починок Болотный,
Починок — Сова.

Как Старый,
Рябиновый тоже зачал
Лишь Новый Починок
Держался в плечах.

В центральной усадьбе
Приспело, выдать,
Починкам —
Починковской улицей

Глухарь

Что ни мужик,
то приятель.
Н. А. Некрасов.
«Деревенские новости».

Починок Рябиновый
Гаснет вконец:
Сегодня уедет
Последний жилец.

Уедет навек
Дровосек
И плугарь,
Последний жилец
По прозванию Глухарь.

Он птиц благородных
Огнем не глушил, —

С любезной природой
В согласии жил.

Он был на Великой войне
Пушкарем,
От пушечных залпов
И стал Глухарем.

Не верьте божбе
Криводушных старух,
Что к выгоде — слышит,
К невзгоде — глух.

Сужу по себе:
С ним полдня проведешь —
Полмесяца после
Утробно орешь.

Спасибо за шумные
Эти полдня —
За школу житейских наук
Для меня.

Да что — гля меня?
Односельцам не раз
Годились его
И совет, и подсказ.

К засолке грибов,
Например, приступать,
Но ветки можухи
Нельзя отыскать.

Реликтовый вереск
Почти истреблен —
Запаривал бочку
Черемухой он.

Лет десять, как тянет
Он лямку вдовца,
Но все сохранилось:
Корова, овца,

Ухоженным держится
Саг—огород,
Лишь кролям прожорливым
Дал укорот.

Еще не бывало
Во все времена,
Чтоб на три деревни —
Корова огна.

С поклонной просьбой,
Седая глухмень,
Пришли три старухи
Из трех деревень:

Явились степенно,
Моложе его.
Он подал им к чаю
Медку своего.

— Как живы-здоровы? —
Помедлил чуть-чуть. —
От всякой хворобы
Растет что-нибудь!

Он верил в шиповник,
Сушил зверобой,
Поддерживал
Крепость мужскую
Пергой.

Едва не доклад им —
Про соки земли...
— А мы сговориться,
Почтенный, пришли.

— Насчет молока? —
Он опешил слегка. —
Судите-казните,
Не дам молока!

Сугарыни-барыни,
Мыши в квашне!
Коров — на сберкнижки,
А с кринкой — ко мне?

Не придурь, так плутни, —
Плеснул им в лицо. —
Из города тащите
Хлеб и яйцо?

Не лез на рожон,
А рубил, так сплеча.
И гости ушли,
Ненасытно ворча:

«Глухарь-негодота!
Зануда-бобыль!
Как жили досель,
Окаянный, забыл!»

Нет, памяты вживе
Бьются гела,
Все сдюжили бабы,
Им честь и хвала!

У них и на склоне
Рабочая стать,
К лицу ли таким
Иждивенками стать?

Старик не цеплялся
Во всем за старье, —
За землю держался,
Как рыцарь ее!

Ее труголюбец,
Бе саговоз,
Не раз за нее
Ухаживали в поход,

Барометр,
Работ полевых календарь,
Народного опыта бережь
Глухарь!

Починок Рябиновый
Гаснет вконец:
Сегодня уедет
Последний жилец.

Уедет он к сыну,
Поближе к врачам:
Изношено сердце,
Волит по ночам.

Не в радость шиповник,
Осечка с пергой, —
Уж лучше аптеку
Иметь под рукой!

Торопится Фрося,
Как школьник к звонку,
Последнюю почту
Вручать старуку.

В центральной усадьбе
Приспело, выдать,
Починкам —
Починковской улицей